

От несказочного к сказочному и обратно («Мальчик у Христа на елке» Ф. М. Достоевского)

Dagnė Beržaitė (Дагне Бержайтė)

Department of Slavic Studies

Institute for the Languages and Cultures of the Baltic

Vilnius University

Кафедра славистики

Институт языков и культур Балтийского региона

Вильнюсский университет

E-mail: dagne.berzaite@ff.vu

<https://orcid.org/0000-0002-6915-3393>

Резюме. В данной статье рождественский рассказ Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», опубликованный в *Дневнике писателя* в 1876 г. и иногда называемый исследователями рождественской сказкой, рассматривается в контексте двух обрамляющих его произведений про «мальчика с ручкой» и колонию для малолетних преступников. Хотя каждый из трех текстов на одну тему ничем неоправданного детского страдания написан в другом жанре и стиле, все вместе они образуют единый тематический блок, сочетающий элементы публицистического, сказочного, христианского и документального. Введение в литературное произведение элементов волшебной сказки, лежащей в основе второй, главной части триптиха про бедствующих детей, с точки зрения автора статьи, является своеобразным приемом художника, при помощи которого трагические мотивы рождественского рассказа только усиливаются, сигнализируя о неверии писателя в избавление от человеческих страданий при помощи усилий любого волшебного помощника, традиционного героя в жанре волшебной сказки. Условной сказочной лжи в данном триптихе Достоевского противопоставляется сюжет про колонию для детей, в котором намечен другой, тоже очень туманный, но более реалистичный мотив спасения мира.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, *Дневник писателя*, рождественский рассказ, «Мальчик у Христа на елке», волшебная сказка.

From Non-Fairytales to Fairytale and back again (F. Dostoevsky's "The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree")

Abstract. In this article, F. Dostoevsky's Christmas tale "The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree", published in the *Writer's Diary* in 1876 and sometimes referred to by scholars as a Christmas fairy tale, is examined in the context of two surrounding works – one text titled "A Boy with His Hand Stretched out for Alms" and another about a colony of juvenile delinquents. Although each of the three texts on the shared theme of child suffering is written in a different genre and style, together, they form a unified thematic block, combining elements of the journalistic, the fairy-tale, the Christian, and the documentary. The introduction of fairy-tale motifs into a literary work – which underlies the

Received: 05/08/2025. Accepted: 28/09/2025

Copyright © 2025 Dagnė Beržaitė. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

second, central part of the triptych about suffering children – is, from the author’s perspective, a distinctive artistic device through which the tragic motifs of the Christmas tale are further intensified, signaling the writer’s disbelief in the possibility of overcoming human suffering through the efforts of any magical helper, who is traditionally a hero of the fairy-tale genre. In this triptych, the conditional ‘fairy-tale lie’ is juxtaposed with the plot about a children’s colony, in which another, equally obscure yet more realistic motif of the salvation of the world is outlined.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *A Writer’s Diary*, Christmas story, “The Beggar Boy at Christ’s Christmas Tree”, fairy tale.

Nuo nepasakiško prie pasakiško ir atgal (F. Dostojevskio „Berniukas prie Kristaus eglutės“)

Santrauka. Šiame straipsnyje F. Dostojevskio kalėdinis pasakojimas „Berniukas prie Kristaus eglutės“, paskelbtas 1876 m. „Rašytojo dienoraštyje“ ir kartais tyréjų vadintamas *kalėdine pasaka*, nagrinėjamas dvięjų jį įreminančių kūrinių – apie „berniuką su rankele“ ir nepilnamečių nusikaltėlių koloniją – kontekste. Kiekvienas iš trijų tekštų ta pačia vaikų kančios tema yra skirtingo žanro ir stilius, tačiau visi tekstai sudaro vieną teminį bloką, siejantį publicistinio, pasakinio, krikščioniškojo ir dokumentinio pasakojimo elementus. Straipsnio autorės požiūriu, stebuklinės pasakos elementų įvedimas į grožinės literatūros kūrinį (antrają, pagrindinę triptiko apie vargstančius vaikus dalį) gali būti traktuojamas kaip savita meninė priemonė, sustiprinanti kalėdinio pasakojimo tragediją ir lygia greta atverianti rašytojo netikėjimą, kad koks nors stebuklingas padėjėjas, vienas iš stebuklinės pasakos veikėjų, gali padeti žmogui įveikti žemiškas kančias. Sąlyginei pasakinei fikcijai šiame Dostojevskio triptike priešpriešinamas siužetas apie vaikų koloniją, kuriame numanomas kitas, taip pat labai miglotas, tačiau realistiškesnis pasaulio išgelbėjimo motyvas.

Reikšminiai žodžiai: Fiodoras Dostojevskis, „Rašytojo dienoraštis“, Kalėdų apsakymas, „Berniukas prie Kristaus eglutės“, stebuklinė pasaka.

Если бы Ф. М. Достоевский написал одно единственное произведение и им оказался бы рассказ «Мальчик у Христа на елке» (*Дневник писателя*, Январь, 1876), то, возможно, нашлось больше согласных с мнением В. В. Набокова: «Безвкусица Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с префрейдовскими комплексами, упоение трагедией растоптанного человеческого достоинства – всем этим восхищаться нелегко. Мне претит, как его герои «через грех приходят ко Христу», или, по выражению Бунина, эта манера Достоевского «совать Христа где надо и не надо» (Набоков, 1958). Подчеркнутый мелодраматизм, сентиментальность, усиление самого страшного – страдания детей – все это невольно отсылает к сегодняшним реалиям, где все эти в разных местах возникающие разговоры про голодающих, распятых и по-другому замученных детях становятся причинами (или оправданием) непрекращающейся кровавой вражды. Да, можно было бы сегодня упрекнуть Достоевского и в том, что это он научил всех манипулировать детскими страданиями.

Но Достоевский создал много разных произведений; «Мальчик у Христа на елке» был написан более-менее в соответствии с европейским каноном жанра святочного или рождественского рассказа; главный герой рассказа Достоевского не был первым в литературе описанным ребенком, замученным равнодушным миром в Рождественскую ночь – еще в 1845 г. созданном рассказе Ганса Христиана Андерсена «Девочка со спичками» святочный литературный канон был нарушен гибелью героини.

Последний пункт требует некоторых пояснений. Хотя сам жанр святочного рассказа в России сформировался только к середине XIX в.¹, он «очень скоро, – как заметила В. Н. Плющ, – уже стал превращаться в клише, как видно из сатирических произведений Аверченко» (Плющ, 2015, с. 117). В рассказе А. Аверченко «Тысяча первая история о замерзающем мальчике», написанном в 1914 г. и явно пародирующим святочный текст Достоевского, герои рассуждают:

– Ужасно трудно писать рождественские рассказы [...] Пишишь, пишишь – и обязательно или в банальщину ударишься, или таких ужасов накрутишь, что и самому стыдно... [...] – Ох, эти уж рождественские мальчики [...] Действительно, стоит только развернуть номер рождественского издания, чтобы непременно наткнуться на этого мальчика в той или другой форме.

(Аверченко, 1914)

Трудно сказать, какая разновидность жанрового канона святочного рассказа стала более популярной в России в конце XIX – в начале XX в. – традиционная, идиллическая, диккенсовская («Рождественская песнь», [1843]), с ее верой в чудо и в обязательную победу добра, или переосмысленная, трансформированная, «сознательно нарушенным каноном», где вместо оптимистического финала читаем про гибель героя, которого так и не могли спасти чудом, и где «сюжетный ход помогает поставить перед читателем вопрос, насколько мир готов измениться, чтобы святочные рассказы со счастливым концом стали реальностью» (Сухих, Плющ, 2015, с. 301). Однако так уж сложилось, что в царской России на распространение святочного рассказа с трагическим финалом именно Достоевский оказал сильнейшее влияние. Как пишет в статье «От взрослого рассказа к детской сказке...» Р. Вассена, издание этого рассказа, подготовленное вдовой Достоевского, «стало самым тиражируемым сочинением Достоевского в дореволюционный период: оно переиздавалось двадцать три раза между 1885 и 1907 гг.» (Вассена, 2019).

Но есть еще одна важная деталь – этот, по словам героев Аверченко, «банальный», «затасканный», «пошлый» сюжет о замерзающем в Рождественскую ночь мальчике, оказывается, распространялся не в том варианте, который был написан Достоевским в 1876 г.² Все дальнейшие издатели «Мальчика у Христа на елке», начиная с В. П. Авенариуса («Тридцать лучших новых сказок», 1877) и А. Г. Достоевской, обязательно включали рассказ в тот или иной сборник для детей. Так, например, жена писателя воплотила, как она считала, его мечту издать сборник для младших читателей – книгу, которая им самим так никогда и не была составлена.

¹ Более подробно этот вопрос исследовался в статьях Н. Н. Старыгиной «Святочный рассказ как жанр» (1992), О. И. Тимановой «Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX в.» (2008), О. С. Сухих и В. Н. Плющ «Святочный рассказ в художественном осмыслиении Ф. М. Достоевского (“Мальчик у Христа на елке”) и М. Горького (“О мальчике и девочке, которые не замерзли”)» (2015), В. Н. Плющ «Жанровая специфика рассказа М. Горького “О мальчике и девочке, которые не замерзли”» (2015) и др.

² В конце своей статьи Р. Вассена приводит таблицу, где указаны все примеры изменения оригинального текста, которые разными издателями в разной степени были осуществлены целых семь раз в 1877, 1882, 1883, 1885, 1892, 1899 и в 1910 гг.

После смерти Достоевского, в том же 1881 г., его вдова зафиксировала в *Записных книжках*: «В *Детскую Книгу* хотел Неточку, Колю Красоткина, Смерть Илюшечки, Мальчик³ у Христа, Мужик Марей, Мален⁴ герой? Но находил лишь, что впечатление на детей будет грустное» (Достоевская, 1993, с. 279). Таким образом, в сознании читателей этот текст и стал восприниматься как детская сказка, правда, с не самым типичным для подобного жанра неблагополучным концом, что не раз вызывало возражение у любящих соблюдать традиции³. Современные исследователи, в частности О. И. Тиманова, данный текст Достоевского, наряду с произведениями других писателей, в частности, с «Ночью перед Рождеством» Н. В. Гоголя, относит к жанру «святочных сказок» (Тиманова, 2008)⁴.

Но, как пишет Вассена, «процесс включения “взрослого” автора в детский литературный канон происходит через введение его творчества в новый контекст, который, в свою очередь, перекодирует социальное и культурное значение его произведений» (Вассена, 2019). Ведь «Мальчик у Христа на елке» появился как вторая часть литературного **триптиха**, и она, например, в живописи, особенно церковной, является центральной, более значимой. Но не менее важную роль выполняют и боковые части, которые дополняют и развивают основную тему.

Рождественский рассказ в *Дневнике писателя* обрамляется двумя публицистическими текстами. Это «Мальчик с ручкой», рассказывающий о часто встречаемом на улице семилетнем мальчике, который постоянно просит милостыню, и рассказ с длинным названием «Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, призванные наилучши ми. Маленькие и дерзкие друзья человечества». Правда, последний текст не всегда напрямую связывают с рождественским рассказом писателя. Например, в издании *Дневника писателя* в качестве отдельной книги, осуществленном в Санкт-Петербурге издательством «Азбука-классика» в 2010 г., этому тексту вообще не нашлось места⁵. Нельзя не согласиться с мнением Т. А. Касаткиной, что тексты, включенные в авторский журнал писателя, «следует анализировать в составе *Дневника писателя*» (Касаткина, 2019б, с. 18).

Но связь между этими тремя текстами в январском номере *Дневника писателя* за 1876 г. и так более чем очевидна. Во-первых, Достоевский как автор, составитель и издатель собственного журнала не мог не думать о том, в какой последовательности будут размещены его материалы; во-вторых, тематическая связь между первым и третьим текстами осуществлена через намеченную в первом тему детской преступ-

³ О нападках со стороны педагогической критики как на самого писателя, так и на тех, кто адресовал писателю и несколько переделанный рассказ детям, подробно излагается в выше упомянутой статье Вассены.

⁴ Литературная сказка, к которой относится и сказка святочная, не всеми исследователями понимается как самостоятельный жанр. По мнению некоторых, литературные сказки – это не столько жанр, сколько видовое образование, включающее различные жанры, и одновременно сами входящие в состав иных жанров (Абашева, Зырянова, 2019).

⁵ Здесь можно было добавить еще и точку зрения Т. А. Касаткиной, которая считает, что рассказ «Мальчик у Христа на елке» необходимо читать и в контексте небольшого публицистического произведения под названием «Золотой век в кармане» (Касаткина, 2019а, с. 30–31).

ности. В последнем тексте Достоевский, словно возвращаясь во времена создания *Записок из мертвого дома* (что очевидно не только на тематическом – та же тема проживания в условиях неволи с подробным описанием всевозможных бытовых деталей, тема свободы, труда, взаимоотношений между жителями замкнутого пространства, отдельные более крупные портреты людей и т.д., но и на стилистическом уровне: например, сочетание биографичности, документальности и метафоричности), рассказывает о своем посещении земледельческой колонии для малолетних преступников, впервые открытой в России в 1871 г. в селе Ржевка под Петербургом⁶.

Использование в отдельном номере *Дневника писателя* принципа, построенного на системном, в определенном порядке рассчитанном чередовании публицистического и художественного текста, достоевистами объясняется по-разному. Почти все отмечают, что одновременное присутствие в произведениях писателя «Я» публициста и «Я» художника – отличительная черта творческой манеры Достоевского не только в *Дневнике писателя*. Некоторые, в частности Вассена, считают, что в данном конкретном случае «Достоевский предлагает читателю ознакомиться не только с конечным результатом, но и самим процессом творческого созидания, поводом к которому становились реальные события, составлявшие для него главный источник вдохновения. Рассказ “Мальчик у Христа на елке” представляет собой весьма показательный пример подобного упражнения “поперечного чтения”, к которому автор *Дневника писателя* каждый месяц приглашал своих подписчиков» (Вассена, 2019).

Касаткина подобную замкнутую композицию в одной тематической группе, где в определенном порядке чередуются тексты разных жанровых и стилистических регистров, толкует в аналогическом ключе и указывает на специфическую особенность художника – его исключительный дар создавать двусоставный образ, где «сквозь существующее, сиюминутное читателю являются вечные лики и вечное бытие» (Касаткина, 2019а, с. 18). «Образ в произведениях Достоевского, – пишет Касаткина, – построен так, что читатель получает возможность *пережить предание в непосредственном опыте*. Читателю Достоевского необходимо столкнуться с самой непривычной современностью и с самыми непривычными современниками, чтобы в них увидеть евангельскую историю и ее персонажей лицом к лицу» (Там же, с. 22).

Л. А. Князева, вслед за другими исследователями (В. А. Тунимановым, Р. Н. Поддубной, И. В. Приймой и др.), называет тексты малой прозы, помещенные в *Дневнике писателя* и обрамленные или по-другому композиционно соседствующие с рассказами и зарисовками из **реальной** жизни, отдельными «микросюжетами», которые наряду с «малым» художественным текстом являются своеобразной лабораторией идей и «зачастую несут в себе зачатки будущих идей или образов для последнего

⁶ О детской преступности, существенно возросшей после отмены крепостного права, как и об одной из первых в России колоний для малолетних преступников, основанной указом Александра II «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» (1866), известной в Петербурге как колония за Пороховыми заводами, подробнее можно прочитать в публикации И. Шувалова «“Кто открывает школу, тот закрывает тюрьму”: как в XIX веке учили и перевоспитывали детей-преступников. История первой в России детской трудовой колонии», опубликованной в 2024 г.

романа Достоевского» (Князева, 2023, с. 399)⁷. Одновременно подобные **триптихи, диптихи или тематические блоки** (например, про «Кроткую» или «Мужика Марея») могут использоваться писателем и в самостоятельных целях – как «образный, более наглядный способ аргументации идей, заложенных в *Дневнике писателя*, как «художественный аргумент, образный и наглядный», который всегда сильнее воздействует на читателя (Там же).

Но на этот конкретный триптих *Дневника писателя* про гибель и способы спасения бедствующих мальчиков можно посмотреть и с другой стороны. Обратим внимание на некоторые связующие звенья во всех трех произведениях данного условного цикла. Первую часть тематического блока под названием «Мальчик с ручкой» Достоевский заканчивает словами «все факты» (Достоевский, 1994, с. 14). Жизненная история о мальчике с протянутой ручкой представлена как она есть в действительности, неприукрашенной, правдивой и поэтому абсолютно трагичной. Бродяжничающих, милостыню просящих мальчишек, которых «тьма-тьмущая», в реальности ожидают только «голод, холод, побои» (Там же, с. 13), а потом неизбежный преступный мир и смерть.

А вот вторая, главная, художественная часть триптиха Достоевского начинается уже очевидным, подчеркнутым авторским указанием на вымышенный сюжет: «Но я романист, и, кажется, одну “историю” сам сочинил. Почему я пишу: “кажется”, ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне всё мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне Рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз» (Там же, с. 15). Эпилог святочного рассказа – опять возвращение к теме сочинительства: «И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обычновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных!» (Там же, с. 19). Обрамляя рассказ о Рождестве лейтмотивом сочинительства, писатель словно акцентирует, что если и можно представить этот мир преображенными, то только не наяву, а в фантазиях, в воображении и, конечно, в художественном творчестве. Касаткина, рассуждая о двойственности образов у Достоевского, пишет:

Достоевский дает двойную концовку своего маленького рождественского рассказа: мальчик – и все умершие в результате нашего безразличия – оказываются со Христом вокруг древа жизни; мы остаемся с маленьким трупом на заднем дворе, за дровами. Очевидно, до следующей попытки, предпринять которую предлагается уже читателю, закончившему чтение и вышедшему на простор своей жизни.

(Касаткина, 2019а, с. 40)

Аналогично заключение по поводу эпилога рассказа и у Вассены: «Достоевский оставляет [...] выбор верить или не верить» (Вассена, 2019).

---

⁷ Здесь можно было бы добавить, что, например, в контексте разговора о романе *Братья Карамазовы* вообще все предыдущие тексты Достоевского можно рассматривать как сплошную «подготовку» к созданию последнего, **суммарного** произведения.

Вспоминаются знаменитые слова Достоевского из его письма к Н. Д. Фонвизиной: «... если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной» (Достоевский, 1996, с. 96). Только тогда, когда они были написаны (а это случилось сразу после выхода из каторги в 1854 г.), все казалось намного светлее. В 1876 г. та же мысль, только перенесенная из абстрактных рассуждений о потребности в вере и растворенная в вымыщенном рассказе о детских страданиях, словно указывает на победу истины, на условность надежды, пусть и основанную на вере в Христа. Кажется, что союз «если» у Достоевского только подчеркивает торжество мрачной реальности. Не случайно потом будет придумана «сводная» цитата «Если Бога нет, все позволено»⁸.

Но в задачу этой статьи не входит толкование сложнейших философских и теологических вопросов, связанных с поиском веры и Христа у Достоевского. В контексте разговора о его рождественском рассказе внимание привлекает другое, а именно следование некой традиции, намеченной еще А. С. Пушкиным в *Капитанской дочке*. Исследование действительности, предпринятое в историческом труде *История Пугачёвского бунта* (1834), подробно излагающем достоверные трагические факты крестьянской войны 1773–1775 гг., Пушкин завершает историческим романом, в котором, используя некую сказочную условность, благополучно завершает историю Петруши Гринева. Не сложно представить, что ожидало бы этого героя романа Пушкина, если бы Маша Миронова сразу после приезда в Петербург в саду Царского Села не встретила какую-то приятную даму, которая, оказавшись самой императрицей, не только выслушала дочь капитана Миронова, но и пригласила ее к себе гости, поцеловала, позаботилась о пожизненном состоянии бедной сироты и своим императорским решением восстановила справедливость, как обычно и бывает в волшебных сказках. И где еще все заканчивается для героев свадьбой, после которой их ожидает долгая и счастливая жизнь («Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии» [Пушкин, 1977, с. 664]), если не в волшебной сказке? Проявление сказочной условности в романе *Капитанская дочка* ощущимо и в том, насколько мало места в нем уделяется эпизоду, описывающему судьбоносную встречу Маши Мироновой с Екатериной II. **Волшебному помощнику** в сказочном тексте не может быть отведено больше пространства, чем это положено по закону жанра.

В данной статье не ставится задача применить методику и формулы В. Я. Проппа к литературным текстам, так как это противоречило бы самой концепции автора книг о поэтике волшебной сказки. Но в контексте разговора о сказочности *Капитанской дочки* внимание на себя обращает и то, что волшебный помощник в сказках обычно представляет какой-то другой мир, то есть он и герой проживают в разных

⁸ Своим происхождением *отсутствующая* цитата Достоевского во многом обязана «старшему идеологическому брату» Ивана Карамазова – Кириллову из *Бесов*, который в беседе с Верховенским-младшим сформулировал свою философию следующим образом: «Если нет Бога, то я бог [...]. Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя» (Достоевский, 1990, с. 574).

пространствах; круг действий помощника охватывает ликвидацию беды, разрешение трудных задач (Пропп, 2001, с. 73); помощник может изменить модальность своего отношения к герою из враждебного к благосклонному (Панова, 2018, с. 229); он также вознаграждает героя не по доброте сердца, а в благодарность за ту или иную услугу («... но я в долгу перед дочерью капитана Миронова» [Пушкин, 1977, с. 664]).

Инвариативное невероятному, как отличительному признаку сказки, можно, например, заметить и в романе Н. Г. Чернышевского *Что делать?* (1863), конкретно – в главе, включающей четвертый сон Веры Павловны, где рассказывается о благополучном завершении всяческих бед и страданий человечества. Использование онирической формы здесь также может указывать на иллюзорность, потусторонность, очевидную неправдоподобность рассказанного, на те же разногласия с действительностью. В конце концов, включение подобных сказочных элементов не может не намекать читателю не только на сомнения или неверие в показанное самого автора, но, более того, на намеренное введение сказочного с целью разоблачения пусть и спасительной, но все же лжи: «не рассказывай сказки», «сказка – ложь, но в ней намек».

Не так ли у Достоевского в рассказе «Мальчик у Христа на елке», где писатель светлый святочный рассказ трансформирует в грустную сказку для взрослых (напомним, сам Достоевский не адресовал этот текст детям), способных отличить реальность от вымысла?

Но не забудем, что в тематическом блоке про страдающих мальчиков в *Дневнике писателя* имеется еще и третья часть. И в ней, как одну из главных, можно выделить тему нравственного перевоспитания. В этом небольшом тексте, скорее напоминающем журналистский репортаж, рассказывается о директоре колонии П. А. Ровинском, которого Достоевский первым делом представляет как «известного в литературе», тем самым намекая на воспитательную функцию литературы, о молодых воспитателях, которые жили вместе с малолетними преступниками («Они живут с воспитанниками совсем вместе, даже носят с ними почти одинаковый костюм» [Достоевский, 1994, с. 29]), о школе для провинившихся, о книгах, да и вообще обо всей тогдашней российской системе образования. В конце «Колонии малолетних преступников...» будто не к месту Достоевский вспоминает один «анекдот (**кажется, совсем не идущий к делу**)» про какого-то чиновника, который «стал копить из скромнейшего своего жалованья, отказывая себе, жене и детям почти в необходимом, и по мере накопления выкупал на волю какого-нибудь крепостного у помещика, – в десять лет по одному, разумеется. Во всю жизнь свою он выкупил таким образом трех-четырех человек и, когда помер, семье ничего не оставил. Всё это произошло безвестно, тихо, глухо» (Там же, с. 28. Выделено мной. – Д.Б.). Далее писатель восклицает: «...вот бы нам каких людей!» (Там же, с. 29). При чтении всех трех текстов в том порядке, как это было задумано Достоевским в *Дневнике писателя*, создается впечатление, что, пройдя долгий жизненный путь, писатель вернулся к тому времени, когда еще верил в идею гуманизма, в способность человека совершать чудеса без вмешательства **потустороннего доброго помощника**.

Это подтверждается фразой, также вписанной в конец рассказа о детской колонии и безвестном чиновнике – «какой это герой: это “идеалист сороковых годов» и только, даже, может быть, смешной, неумелый, ибо думал, что одним мельчайшим частным случаем может побороть всю беду» (Там же). Достоевский – мечтатель, гуманист, оказывается, никуда не делся. Возможно, не до конца правы утверждающие, что в начале 60-х гг. писатель «окончательно взорвал “естественную” мораль безбожного гуманизма» (Мочульский, 1995, с. 326). Однажды затронутое, уже прозвучавшее в дальнейшем творчестве Достоевского никуда не исчезает. Триптих в *Дневнике писателя* про униженных и оскорбленных, обездоленных и замученных детей заканчивается не условной сказочной **ложью**, а мыслью о «недостаточных средствах к переделке порочных душ в непорочные». Читатель, кажется, должен понять одно – если бы средства нашлись, если бы еще нашлись возможности для каких-нибудь «если», если бы все поступали так, как, например, тот «смешной» чиновник, то еще не все было бы потеряно и в реальной жизни.

В рассказе «Сон смешного человека» (*Дневник писателя*, 1877), в своеобразном «манифесте» Достоевского, где «под страшным давлением сжато все, о чем странно повествуется в других текстах» (Касаткина, 2019б, с. 18), проснувшийся смешной человек вспоминает о восьмилетней девочке, очень похожей на Неточку из первой части раннего незаконченного романа *Неточка Невзорова*, написанного все в те же 40-е годы, которая с отчаянием, хватая его за локоть, бежала за ним и просила пойти за ней, чтобы помочь ее умирающей матери. В конце рассказа, обозначенного Достоевским как фантастический, герой произносит: «...я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» (Достоевский, 1995, с. 37). Сам рассказ писатель заканчивает словами героя: «А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!» (Достоевский, 1995, с. 138). Вспоминается мысль Мочульского, заключающая его рассуждения о романе *Преступление и наказание*: «Роман кончается туманным предсказанием “обновления” героя. Оно обещано, но не показано. Мы слишком хорошо знаем Раскольникова, чтобы поверить в эту “благочестивую ложь”» (Мочульский, 1995, с. 373).

Иногда кажется, что введение в литературное произведение мотивов, отсылающих к любым элементам жанра волшебной сказки с ее верой в **благочестивую ложь**, только и призвано подчеркивать в изображаемом ощущение безысходности. Введение сказочного становится приемом опровержения любого оптимистического финала. Не потому ли рассказ «Мальчик у Христа на елке», если не учитывать последнюю часть включающего его триптиха, заканчивается так печально? Но даже мельчайший, кажется, «совсем не идущий к делу», но все же обнадеживающий сюжет про несказочного «волшебного помощника» – того самого «смешного» чиновника, упомянутого в «Колонии малолетних преступников...», может реализоваться только при наличии определенных условий, выражаемых обычно при помощи союза «если», неизбежно присутствующего у Достоевского при описании перехода от трагедии к спасению. Пусть только еще обещанного.

Литература

- Абашева, М.П., Зырянова А.И., 2019. Литературная сказка в исторической и методологической перспективе. *Вестник Удмуртского университета*. Т. 29, вып. 2, с. 246–254. Серия история и филология. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-skazka-v-istoricheskoy-i-metodologicheskoy-perspektive> [см. 25 07 2025].
- Аверченко, А., 1914. Тысяча первых историй о замерзающем мальчике. *Lib.ru*: «Классика». Режим доступа: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_0330oldorfo.shtml [см. 04 08 2025].
- Вассена, Р., 2019. От взрослого рассказа к детской сказке: на примере рассказа Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». [https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-1-19-123-151 CYBERLENINKA](https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-1-19-123-151). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-vzroslogo-rasskaza-k-detskoy-skazke-na-primerere-rasskazaf-m-dostoevskogo-malchik-u-hrista-na-elke> [см. 04 07 2025].
- Достоевская, А., 1993. Записная книжка 1881 года. *Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников*. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, с. 279–288.
- Достоевский, Ф.М., 1990. Бесы. *Собр. соч. в 15 м.* Т. 7. Санкт-Петербург: Наука.
- Достоевский, Ф.М., 1994. Дневник писателя. *Полное собр. соч. в 15 м.* Т. 13. Санкт-Петербург: Наука.
- Достоевский, Ф.М., 1995. Дневник писателя. *Полное собр. соч. в 15 м.* Т. 14. Санкт-Петербург: Наука.
- Достоевский, Ф.М., 1996. Письма 1834–1881. *Полное собр. соч. в 15 м.* Т. 15. Санкт-Петербург: Наука.
- Касаткина, Т.А., 2019а. «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского: структура образа и эстетика действия. *Достоевский и мировая культура*, 1, с. 16–40. Режим доступа: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2019-1-int-1-18-42.pdf [см. 18 07 2025].
- Касаткина, Т.А., 2019б. «Сон смешного человека»: личность как рычаг преобразования мира. *Достоевский и мировая культура*, 2, с. 16–44. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/son-smeshnogo-cheloveka-lichnost-kak-rychag-preobrazheniya-mira> [см. 01 08 2025].
- Князева, Л.А., 2023. Микросюжеты в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского как средство аргументации идей. *Мир науки, культуры, образования*, 4(101), с. 396–400. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mikrosyuzhetы-v-dnevnik-pisatelya-f-m-dostoevskogo-kak-sredstvo-argumentatsii-idey> [см. 19 07 2025].
- Мочульский, К., 1995. Достоевский. Жизнь и творчество. *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. Москва: Республика, с. 219–549.
- Набоков, В.В., 1958. Федор Достоевский. Лекции по русской литературе. *E-knigi.com*. Режим доступа: <https://e-knigi.com/proza/russkaja-klassicheskaja-proza/171896-vladimir-nabokov-fedor-dostoevskii.html> [см. 14 07 2025].
- Панова, Т.В., 2018. Функционирование персонажа «волшебный помощник» в русских и греческих волшебных сказках. *Славянская этнолингвистика*, с. 227–231. Режим доступа: https://inслав.ru/sites/default/files/2018_slav-mir-tezisy_58_panova.pdf [см. 11 07 2025].
- Плющ, В.Н., 2015. Жанровая специфика рассказа М. Горького «О мальчике и девочке, которые не замерзли». *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)*, 4(13), с. 116–119. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-rasskaza-m-gorkogo-o-malchike-i-devochke-kotorye-ne-zamerzli> [см. 01 06 2025].
- Пропп, В.Я., 2001. *Морфология волшебной сказки*. Москва: Лабиринт.
- Пушкин, А.С., 1977. Капитанская дочка. *Пушкин, А.С. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы. Повести*. Москва: Художественная литература, с. 583–664.
- Сухих, О.С., Плющ, В.Н., 2015. Святочный рассказ в художественном осмыслиении Ф.М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке») и М. Горького («О мальчике и девочке, которые не замерзли»). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3, с. 301–306. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyatochnyy-rasskaz-v-hudohestvennom-osmyshlennii-f-m-dostoevskogo-malchik-u-hrista-na-yolke-i-m-gorkogo-o-malchike-i-devochke-kotorye-ne> [см. 01 06 2025].
- Тиманова, О., 2008. Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX века. *Вестник Томского государственного университета*, 315, с. 28–35. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-kalendarnoy-slovesnosti-i-russkaya-literaturnaya-skazka-xix-v> [см. 01 06 2025].

References

- Abasheva, M., Zyryanova A., 2019. Literaturnaya skazka v istoricheskoy i metodologicheskoy perspektive. [Literary fairy tales from a historical and methodological perspective]. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. Vol. 29, iss. 2, pp. 246–254. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-skazka-v-istoricheskoy-i-metodologicheskoy-perspektive> [Accessed 20 July 2025].
- Averchenko, A., 1914. Tysyacha pervaya istoriya o zamerzayushhem mal'chike. [The thousand and first story about the freezing boy]. *Lib.ru: "Klassika"*. Available at: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a/text_0330oldorf.shtml [Accessed 04 August 2025].
- Dostoevskaya, A., 1993. Zapisnaya knizhka 1881 goda. [Notebook from 1881]. In: *F.M. Dostoevskij v zaby'ty'x inezvestny'x vospominaniyax sovremenников*. [F.M. Dostoevsky in forgotten and unknown memories of his contemporaries]. Saint Petersburg: Andreev i sy'nov'ya Publ., pp. 279–288.
- Dostoevskij, F., 1990. Besy'. [Demons]. In: *Sobr. soch. v 15 t.* [Full Collection of works in 15 vol.]. Saint Petersburg: Nauka Publ. Vol. 7.
- Dostoevskii, F., 1994. Dnevnik pisatelya. [A Writer's Diary]. In: *Polnoe sobr. soch. v 15 t.* [Full Collection of works in 15 vol.]. Saint Petersburg: Nauka Publ. Vol. 13.
- Dostoevskii, F., 1995. Dnevnik pisatelya. [A Writer's Diary]. In: *Polnoe sobr. soch. v 15 t.* [Full Collection of works in 15 vol.]. Saint Petersburg: Nauka Publ. Vol. 15.
- Dostoevskii, F., 1996. Pis'ma 1834–1881. [Letters 1834–1881]. In: *Polnoe sobr. soch. v 15 t.* [Full Collection of works in 15 vol.]. Saint Petersburg: Nauka Publ. Vol. 15.
- Kasatkina, T., 2019a. "Mal'chik u Xrista na elke" F.M. Dostoevskogo: struktura obraza i e'estetika dejstviya. [F.M. Dostoevsky's Story "The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree": the Image Structure and the Aesthetics of Action]. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura*. [Dostoevsky and World Culture], 1(5), pp. 16–40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/malchik-u-hrista-na-elke-f-m-dostoevskogo-struktura-obraza-i-estetika-dejstviya> [Accessed 18 July 2025].
- Kasatkina, T. 2019b. "Son smeshnogo cheloveka": lichnost' kak ry'chag preobrazheniya mira. ["The Dream of a Ridiculous Man": Personality as the Instrument of Transfiguration of the World]. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura*. [Dostoevsky and World Culture], 2, pp. 16–44. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/son-smeshnogo-cheloveka-lichnost-kak-rychag-preobrazheniya-mira> [Accessed 01 August 2025].
- Knyazeva, L., 2023. Mikrosiuzhetы v "Dnevniye pisatelia" F.M. Dostoevskogo kak sredstvo argumentatsii idei. [Microplots in the "A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky as a Means of Idea's Argumentation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. [The world of science, culture and education], 4(101), pp. 396–400. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mikrosyuzhetы-v-dnevniye-pisatelia-f-m-dostoevskogo-kak-sredstvo-a> [Accessed 19 July 2025].
- Mochul'skii, K., 1995. Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo. [Dostoevsky: His Life and Work]. In: *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii*. Moscow: Respublika Publ., pp. 219–549.
- Nabokov, V., 1958. Fedor Dostoevskii. Lektsii po russkoi literature. [Lectures on Russian literature]. *E-knigi.com*. Available at: <https://e-knigi.com/proza/russkaja-klassicheskaja-proza/171896-vladimir-nabokov-fedor-dostoevskii.html> [Accessed 14 July 2025].
- Panova, T., 2018. Funktsionirovanie personazha "volshebnyi pomoshchnik" v russkikh i grecheskikh volshebnykh skazkakh. [The Functioning of the Character "Magic Helper" in Russian and Greek Fairy Tales]. In: *Slavianskaia etnolingvistika*. [Slavic ethnolinguistics], pp. 227–231. Available at: https://inslav.ru/sites/default/files/2018_slav-mir-tezisy_58_panova.pdf [Accessed 11 July 2025].
- Plyushech, V., 2015. Zhanrovaya spetsifikasi rasskaza M. Gorkogo "O malchike i devochke. kotoryye ne Zamerzli". [Genre specificity of M. Gorky's story "About a boy and a girl who were not frozen"]. *Evraziiskii Soyuz Uchenykh (ESU)*. [The Eurasian Union of Scientists (ESU)], 4(13), pp. 116–119. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifikasi-rasskaza-m-gorkogo-o-malchike-i-devochke-kotoryye-ne-zamerzli> [Accessed 01 July 2025].
- Propp, V., 2001. *Morfologija volshebnoi skazki*. [Morphology of a Folk Tale]. Moscow: Labirint Publ.
- Pushkin, A., 1977. Kapitanskaia dochka. [The Captain's Daughter]. In: Pushkin, A. *Evgenii Onegin. Dramaticheskie proizvedeniia. Romany. Povesti. Drama Plays. Novels. Stories*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., pp. 583–664.

- Sukhikh, O., Plyushch, V., 2015. Svyatocny rasskaz v khudozhestvennom osmyslenii F.M. Dostoevskogo (“Malchik u Khrista na elke”) i M. Gorkogo (“O malchike i devocke, kotoryye ne zamerzli”). [A Christmas Story in Artistic Comprehension of F. Dostoevsky (“The Beggar Boy at Christ’s Christmas Tree”) and M. Gorky (“About a Boy and Girl who were not frozen”)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3, pp. 301–306. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyatochnyy-rasskaz-v-hudozhestvennom-osmyslenii-f-m-dostoevskogo-malchik-u-hrista-na-yolke-i-m-gorkogo-o-malchike-i-devochke-kotorye-ne> [Accessed 01 June 2025].
- Timanova, J., 2008. Zhanry kalendarnoi slovesnosti i russkaia literaturnaia skazka XIX veka. [“Calendar Literature“Genres and Russian Literary Fairy Tale of the 19th Century]. *Tomsk State University Journal*, 315, pp. 28–35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-kalendarnoy-slovesnosti-i-russkaya-literaturnaya-skazka-xix-v> [Accessed 01 June 2025].
- Vassena, R., 2019. Ot vzroslogo rasskaza k detskoj skazke: na primere rasskaza F. M. Dostoevskogo “Mal’chik u Xrista na elke”. [From a Story for Adults to a Fairy Tale: the Case of F. Dostoevsky’s Story “The Beggar Boy at Crist Christmas Tree”]. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2021-1-19-123-151>. CYBERLENINKA. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-vzroslogo-rasskaza-k-detskoy-skazke-na-primere-rasskaza-f-m-dostoevskogo-malchik-u-hrista-na-elke/viewer> [Accessed 04 July 2025].